

Чжу Цинчэнь торопился как мог, но всё же опоздал на мгновение.

Едва коснувшись земли кончиками пальцев и шелестя полами белоснежных одеяний, он решительным шагом направился к Лу Наньсину. Юноша, окружённый учениками Ордена Сюаньтянь, выглядел жалко: поваленный на землю, покрытый кровью и дорожной пылью, он замер в кольце врагов.

Быстро перебрав в памяти способы врачевания, Цинчэнь сложил пальцы в магическом жесте и наложил на юношу исцеляющее заклятье. Лу Наньсин ощутил, как чистейшая, подобно горному источнику, духовная энергия вливается в его сознание и расходится по всему телу. Там, где протекала эта сила, разливалось живительное тепло.

Вывихнутая челюсть и руки вмиг вернулись на место. Наньсин поспешно распутал верёвки и поднялся с колен. Он хотел было броситься под защиту своего спасителя, но Второй старейшина преградил ему путь властным жестом.

Толпа зашумела в недоумении:

— Это ещё кто?

— Разве этот оборванец не говорил, что у него нет ордена? Откуда тогда взялся учитель?

Высокопоставленный старец сделал шаг вперёд, пристально изучая незваного гостя.

Перед ним стоял человек в ослепительно белых одеждах с широкими рукавами. Его белоснежные волосы струились подобно водопаду, а каждое движение было исполнено благородства и величественной грации. Старейшина, будучи человеком крайне практичным, с первого взгляда понял: этот незнакомец совсем не чета Лу Наньсину. С такой фигурой шутки плохи.

Его голос сразу стал заметно мягче:

— Смею ли я узнать имя почтенного господина?

Чжу Цинчэнь степенно сложил руки в рукавах и ответил с непоколебимой серьёзностью:

— Я — его наставник.

— Но этот воришка только что клялся, что не принадлежит ни к одному ордену. К какой же школе приписаны вы, уважаемый?

Цинчэнь на миг замялся.

«К какой школе я принадлежу?»

«Э-э... Ты тоже вольный заклинатель», — замялась Система в его голове.

«Что?»

«Хотя ты и сам по себе, — поспешно добавила Система, — в мире заклинателей ты личность весьма уважаемая. Просто назовись титулом "Юйцин Сяньцзунь". Поверь, я не ошиблась с твоим статусом».

«Хорошо».

Чжу Цинчэнь поднял взгляд на собеседника и негромко произнёс:

— Я не принадлежу ни к одному ордену...

Лицо представителя Сюаньтянь тут же исказила презрительная гримаса, а младшие адепты начали перешёптываться.

— Я-то думал, кто это, а он такой же, как тот бродяга.

— Напустил на себя важности, а на деле — очередной никчёмный одиночка.

Цинчэнь выдержал паузу и беспристрастно добавил:

— Моё имя — Юйцин. Собратья по Пути величают меня Юйцин Сяньцзунь, хотя я и не считаю себя достойным столь высокого звания.

Стоило ему произнести эти слова, как Второй старейшина резко переменялся в лице. Младшие ученики, ещё не слышавшие этого имени, принялись расспрашивать старших товарищей:

— Кто такой этот Юйцин Сяньцзунь? Никогда о нём не слышал. Небось сам себе титул придумал?

— Замолчи! Не смей оскорблять Бессмертного! — оборвал его один из посвящённых и

принялся объяснять вполголоса: — Несколько сотен лет назад, когда духовная энергия в мире была скудной, орденов ещё не существовало — все были вольными заклинателями. А когда в мир явился Демонический бог, сея повсюду хаос и смерть, заклинатели спустились с гор и общими силами запечатали его в Демонической бездне. Лишь после этого зародился нынешний мир культивации.

— А при чём здесь Юйцин Сяньцзунь?

— В ту пору Сяньцзуню исполнилось лишь восемнадцать, но он в одиночку, с одним мечом в руках, удерживал Пик Плывущих облаков, не давая бесчисленным легионам демонов прорваться.

— А где этот пик? Что-то я не припомню такой горы. Может, это всё байки?

— Гора Плывущих облаков — это нынешняя гора Радужных облаков. Она тянется на тысячи ли. В тот день Юйцин Сяньцзунь пролил столько демонической крови, что она окрасила плывущие облака над пиком в алый цвет. Вот гору и переименовали.

Слух заклинателей остр, и Чжу Цинчэнь невольно услышал этот разговор.

Система тут же подала голос, желая выслужиться:

«Ну как? На этот раз я подобрала тебе отличную роль, верно?»

Цинчэнь едва заметно кивнул:

«Да, неплохо».

Тем временем ученик продолжал:

— Юйцин Сяньцзунь равен по старшинству самому основателю нашего ордена. Если рассуждать по справедливости, старейшина должен называть его "Младшим дядюшкой-наставником".

Услышав это, предводитель отряда Сюаньтянь заметно побледнел. Чжу Цинчэнь одарил его лёгкой улыбкой.

— Получается, если посчитать, Юйцин Сяньцзуню в этом году стукнуло ровно двести пятьдесят лет.

«Что?» — Чжу Цинчэнь мысленно возмутился.

«Система, а ну, объяснись! Почему мне двести пятьдесят?! Ты же знаешь, что в этом мире число "двести пятьдесят" означает "идиот"!»

Система, предчувствуя гнев Носителя, мгновенно испарилась:

«Сначала разберись с делами, а про это я потом всё объясню!»

Цинчэнь вновь посмотрел на старейшину, чей взгляд всё ещё оставался недружелюбным.

— Юйцин Сяньцзунь не являлся миру уже сотню лет, — проговорил тот. — Никто не знает, жив он или мёртв. И тут являетесь вы, называете себя великим именем и заявляете, что этот мелкий воришка — ваш ученик... Боюсь, вы просто искусный самозванец...

Он не успел договорить. Лу Наньсин, заметив опасное движение его руки, выкрикнул:

— Сяньцзунь, берегитесь!

В ту же секунду старик нанёс резкий удар ладонью. Цинчэнь инстинктивно вскинул руку, блокируя выпад.

«Носитель, используй оздоровительную технику Уциньси! Я активировала для тебя боевой режим!» — закричала Система.

Цинчэнь отвёл руку противника, нейтрализуя мощный поток энергии, и обратным движением ладони заставил его попятиться на три шага.

Цинчэнь удивлённо взглянул на свои ладони. Система продолжала хвастаться:

«Это специально разработанная для тебя версия "Игр пяти зверей" для мира культивации. Поможет тебе быстро влиться в местную среду».

«Недурно», — отозвался Цинчэнь. Он убрал руки и спокойно кивнул оппоненту: — Благодарю за науку.

После этого Второй старейшина больше не смел заикаться о том, настоящий перед ним Юйцин или нет.

Никто больше не преграждал Лу Наньсину путь. Он подбежал к Цинчэню и низко поклонился:

— Благодарю за спасение, Сяньцзунь! Если бы не вы, они бы силой уволокли меня в орден и под пытками заставили признаться в том, чего я не совершал.

— Не стоит благодарностей, — мягко ответил Цинчэнь и внимательно посмотрел на него. — Моё имя — Чжу Цинчэнь. Желаете ли ты стать моим учеником?

Лу Наньсин замер, ошарашенный.

«Что?»

Он-то думал, что Бессмертный просто не вынес несправедливости и решил помочь случайному встречному. Как же он мог предложить такое?

Цинчэнь смотрел серьёзно и повторил вопрос:

— Ты хочешь стать моим учеником?

— Хочу... — Наньсин потрясённо кивнул. — Конечно, хочу!

— Значит, с этой минуты мы — учитель и ученик.

Уладив это дело, Чжу Цинчэнь повернулся к свите ордена Сюаньтянь. Второй старейшина, окончательно признав поражение, поспешно склонился в поклоне:

— Приветствую Сяньцзуня. Прошу прощения за мою слепоту — я не узнал гору Тайшань.

Цинчэнь не ответил. Он лишь сложил руки и продолжал изучать его бесстрастным взглядом.

В этот момент из толпы раздался тонкий голосок:

— Даже если он ученик Юйцин Сяньцзуня, это не отменяет того, что Старший брат пострадал из-за него!

Цинчэнь повернулся на звук.

Перед ним стоял юноша лет шестнадцати-семнадцати в форме ордена. Он бережно поддерживал окровавленного Сюй Фантина. Сотоварищи пытались его утихомирить:

— Младший брат, помолчи, прошу тебя!

Старейшина тоже прикрикнул:

— Минчжу, замолкни!

Система пояснила Цинчэню:

«Это Шэнь Минчжу, тот самый младший брат, что вырос вместе с Фантином. В будущем именно они сговорятся, чтобы отобрать у Наньсина его золотое ядро».

«Понятно».

Цинчэнь едва заметно кивнул и снова перевёл взгляд на главу отряда Сюаньтянь.

— Как раз вовремя. Нам действительно нужно во всём разобраться досконально.

Цинчэнь заслонил Лу Наньсина собой:

— Мой ученик уже всё объяснил. Он — спаситель Сюй Фантина. Он увидел, как на того напали, и, не щадя себя, пришёл на помощь. Вместо благодарности вы осыпали его клеветой. Как вы это объясните?

Старик замялся:

— Прощу Сяньцзуня простить нас. Мы не знали, что этот юноша — ваш ученик. К тому же... видя его заурядную внешность и отсутствие золотого ядра, мы решили, что он...

Его голос становился всё тише. Цинчэнь перебил его:

— Вы решили, что раз у него нет сил победить зверя, то он наверняка решил примазаться к великому ордену и опоил Сюй Фантина согревающим благовонием страсти?

Ученики нехотя закивали:

— ...Да.

Цинчэнь не сдержал короткого смешка:

— Неужели вы настолько ослепли, что не в состоянии увидеть очевидное?

Он сделал широкий шаг вперёд. Шэнь Минчжу, поддерживавший Фантина, невольно попятился. Цинчэнь с брезгливым видом зацепил пальцами край рукава Сюй Фантина и приподнял его руку, обнажая глубокие рваные раны.

— Вы не видите, что это следы когтей демонического зверя?

— Вы не чувствуете, что от его ран исходит отчётливый запах согревающего благоволия страсти?

— Вы не видите, что мой ученик на грани истощения, потому что отдал все силы ради его спасения?

— Разве это требует долгих допросов? Разве не всё ясно с первого взгляда? Или вы просто решили, что вид вашего израненного Старшего брата позорит орден, и поспешили свалить всю вину на моего ученика?

— Ведь он был всего лишь вольным заклинателем без роду и племени. Удобно заявить, что это он подстроил засаду, из-за него Старший брат так пострадал... всё из-за его коварства, а почтенный мастер Сюй ни в чём не виноват, так?

Эти слова попали в самую цель. На самом деле адепты Сюаньтянь были не глупы — они просто не хотели терять лицо. Они опустили головы, заливаясь краской стыда, и больше не проронили ни слова.

Едва Чжу Цинчэнь закончил речь, невдалеке послышались мерные шаги. Появились люди из ордена Сяояо. Это была их территория, и шум битвы привлёк патрульных.

Орденов Сяояо и Сюаньтянь враждовали испокон веков. Увидев тяжело раненного Старшего брата своих конкурентов, патрульные не смогли сдержать ехидных смешков. Они встали в стороне, скрестив руки на груди, с явным удовольствием наблюдая за сценой.

Второй старейшина прошептал Цинчэню:

— Сяньцзунь, не могли бы мы продолжить этот разговор в стенах нашего ордена? Я...

— Нет, — отрезал Цинчэнь. — Сначала вы оклеветали моего ученика, затем подняли на него руку. Это дело ещё не закончено.

Он выпустил рукав Сюй Фантина:

— Я спрошу вас лишь об одном: кто нанёс ему эти раны?

Ученики Сюаньтянь поспешно ответили:

— Демонический зверь.

Они по очереди склонились перед Лу Наньсином:

— Мы незаслуженно обвинили собрата по Пути. Просим прощения.

Цинчэнь посмотрел на старейшину. Тот, скрепя сердце, тоже отвесил поклон:

— Прошу прощения.

Лу Наньсин, не отходявший от Чжу Цинчэня ни на шаг, наконец почувствовал, как тяжесть спала с его плеч.

— Благодарю, Сяньцзунь.

— И ещё кое-что, — Цинчэнь повернулся к Сюй Фантину. Тот лежал почти бездыханный на плече Шэнь Минчжу.

Младший брат, едва удерживая вес мастера, взмолился:

— Старший брат при смерти! Сяньцзунь, умоляю, спасите его!

Он ведь видел: Лу Наньсин едва дышал, но стоило Юйцин Сяньцзуню взмахнуть рукой, как тот стал бодр и полон сил. Если Бессмертный поможет Старшему брату, то его растроченная культивация наверняка...

В следующую секунду Чжу Цинчэнь под изумлённым взглядом Шэнь Минчжу отвесил Сюй Фантину звонкую пощечину.

— Пока люди не пришли, ты всю тискал моего ученика. А стоило им появиться — сразу впал в беспамятство, так что и слова в защиту сказать не можешь?

— Что это за зверь такой? Нападает только из похоти, да к тому же наделён чувством стыда и умеет различать свидетелей? Пока никого нет — ты полон сил, а как пришла подмога — вмиг при смерти? Поистине чудо природы!

— Жизнь и смерть всегда важнее плотских утех. Ты одной ногой в могиле, откуда же взялись силы на бесчинства? Это как-то не вяжется с логикой, Старший брат Ордена Сюаньтянь.

Слова Цинчэня словно открыли всем глаза. Действительно, когда человек умирает, даже под действием яда похоти, он скорее сгорит изнутри от невыносимого жара, чем найдёт в себе силы кого-то притеснять. Если только он не притворяется.

Сюй Фантину не оставалось ничего другого, кроме как «медленно» открыть глаза и «слабым» голосом пролепетать:

— Сяньцзунь заблуждается... Я действительно...

На самом деле он всё время был в сознании. Он пришёл в себя ещё тогда, когда Лу Наньсин чертил массив телепортации. Если бы он тогда отвлёк демона, дав Наньсину время закончить работу, они бы спаслись гораздо быстрее. Но он просто не хотел больше рисковать и отсиживался за спиной юноши.

Позже в пещере, когда Наньсин потерял сознание, Фантин пытался подавить яд, но вдруг вспомнил наставления старших. Ему уже двадцать, и его развитие зашло в тупик. Лучший выход из такой ситуации — убить жену ради подтверждения Пути. Он не мог поднять руку на младшего брата, с которым вырос вместе, поэтому...

Он не стал сдерживать яд, а наоборот — подстегнул его действие и набросился на Лу Наньсина. Он убеждал себя, что это вынужденная мера, и он потом щедро вознаградит юношу. Но не повезло: подросли ученики и Минчжу. Ему пришлось прикинуться бесчувственным.

А когда он услышал, что старейшина хочет забрать Наньсина на допрос, в его голове созрел новый план: дать юноше немного пострадать, а потом «героически» спасти его, подтвердить невиновность и объявить своим спутником на Пути. Тогда никто не осудил бы его за вольности в пещере, напротив — все бы восхваляли его благородство.

Увы, Чжу Цинчэнь видел его насквозь.

Цинчэнь усмехнулся и обвёл взглядом присутствующих:

— Вы называете себя заклинателями. Ваш взор должен быть ясен, а сердце — подобно зеркалу. Но что же я вижу?

— Вы твердите о «чести», заботитесь лишь о собственном лице и с лёгкостью губите невинных. А этот Сюй Фантин? Разве он стоит хоть ломаного гроша? Стал бы мой ученик зариться на того, кто в миг опасности предательски нападает на своего спасителя?

Статус Цинчэня был столь высок, что подчинённым, хотели они того или нет, приходилось выслушивать его наставления, склонив головы.

— Стоило мне на несколько лет отойти от дел, как мир заклинателей превратился в сточную канаву. Чванство, притеснение слабых, чёрная неблагодарность — разве это путь истинного мастера? С таким подходом вы можете упражняться хоть сотню, хоть тысячу лет — вам никогда не достичь небесного вознесения.

Сюй Фантин, преодолевая слабость, «шатаясь» подошёл к Цинчэню:

— Во всём виноват я один. Прошу Сяньцзуня сменить гнев на милость и не винить остальных.

— При чём здесь гнев? Ты поступил подло, а остальные тебе потакали. Я не гневаюсь понапрасну — я негодую по праву, — Цинчэнь бросил на него уничтожающий взгляд. — О чём ты на самом деле думаешь, известно лишь тебе самому.

Сердце Сюй Фантина ушло в пятки. Неужели этот Юйцин Сяньцзунь обладает даром читать мысли? Неужели он заглянул в его душу?

Не в силах больше стоять, он вновь бессильно повис на руках Шэнь Минчжу.

Чжу Цинчэнь взял Лу Наньсина за руку и объявил во всеуслышание:

— Мой ученик спас Сюй Фантина, но тот ответил ему бесчестьем, а ваш Орден Сюаньтянь — клеветой.

— Истина ясна как день, и иного толкования быть не может. Если я ещё хоть раз услышу сплетни о том, что мой ученик якобы подливал кому-то яд или искал выгоды, знайте: я запомнил ваши лица, и мой меч не будет знать пощады.

Едва он договорил, клинок за его спиной издал резкий звон и наполовину вышел из ножен. Система подыгрывала ему как могла.

Затем Цинчэнь обратился к ученикам Ордена Сяояо, стоявшим поодаль:

— Прошу вас стать свидетелями сегодняшнего дела.

— Со всей охотой! — Ученики Сяояо не собирались упускать возможность уколоть врагов. — Будьте покойны, Сяньцзунь, мы всё видели. Если они вздумают лгать, мы тут же известим вас.

Цинчэнь удовлетворённо кивнул. Второй старейшина Ордена Сюаньтянь предпринял последнюю попытку спасти положение:

— Мы действительно были неправы. Мы немедленно организуем пир в нашем ордене, чтобы загладить вину перед Сяньцзуном. Прошу вас оказать нам честь...

— Не стоит, — Чжу Цинчэнь потянул Лу Наньсина за собой. Перед уходом он бросил последний взгляд на старейшину и его спутников: — Величайший орден в мире... Сверкающая позолота снаружи, гниль и труха внутри.

— Спесь и неблагодарность никогда не станут истинным Путём. Я сказал достаточно. Сумеете ли вы это осознать — зависит только от вас.

<http://bllate.org/book/15820/1437614>